

УДК 821(100)(091)

ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В ПОВЕСТИ ФУКЕ «УНДИНА» И ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В.А.ЖУКОВСКОГО

Кашафутдинова Зоя Мансуровна

ассистент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул.Букирева, 15 kashafutdinova_z@mail.ru

На основе конкретного сопоставительного анализа повести Фуке «Ундина» и одноименной поэмы В.А.Жуковского автор показывает, что перевод русского поэта справедливо воспринимается как произведение русской романтической культуры. Перевод Жуковского максимально близок к прозаическому оригиналу, но образ главной героини вобрал в себя новые поэтические смыслы, свойственные русской сказочной и романтической традиции. Смысловое и характерологическое обогащение образа Ундины есть также следствие поэтического мастерства Жуковского.

Ключевые слова: ундина; Жуковский; Фуке; романтизм; перевод.

В.А.Жуковский открыл в русской литературе новое направление – романтизм «в духе средних веков» (В.Г.Белинский), элегический, мечтательный, мистический. В.Г.Белинский также называл В.А.Жуковского «литературным Коломбом Руси, открывшим ей Америку романтизма в поэзии». «Ундина» В.А.Жуковского вышла в свет отдельным изданием в марте 1837 года, тогда, когда волна романтизма в России пошла на спад, и все же была благосклонно встречена критиками (в отличие, например, от прозаического перевода «Ундины» Фуке А.Дельвигом в 1831г.). Плетнев в своей рецензии, напечатанной в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», писал: «Давно уже не выходило книги, которая бы так заняла все классы читателей, как «Ундина». <...> Если бы и содержание поэмы не было до такой степени ново, увлекательно и трогательно, то стихи Жуковского, это (по выражению одного поэта) неземное блаженство души, изъясненное верными и стройными звуками, сами собою должны были так подействовать на все вкусы¹. Но вот что удивляет нас, и что в самом деле неизъяснимо: чем Жуковский наэлектризовывает

русские слова <...>, что они во всех размерах, при всяком содержании, с каждым предметом, во всяком тоне расплавляют сердце и наполняют счастьем все бытие наше?» [Цит. по: Афанасьев 1987: 296] Н.В.Гоголь назвал «Ундину» «чудом» и «прелестью». Герцен в связи с «Ундиной» писал о В.А. Жуковском: «Как хорош, как юн его гений!» В.Г.Белинский писал об «Ундине»: «... в стихах Жуковского *обыкновенная сказка явилась прекрасным поэтическим созданием.* «Ундина» – одно из самых романтических его произведений. Основная мысль ее – олицетворение стихийной силы природы. <...> Нельзя довольно надивиться, как искусно наш поэт умел слить фантастический мир с действительным миром и сколько заповедных тайн сердца умел он разоблачить и высказать в таком сказочном произведении. <...> *Эта поэма принадлежит к позднейшим произведениям Жуковского, а от этого ее романтизм как-то сговорчивее и делает более уступок рассудку и действительности* [Белинский 1955: 199-200].

Следовательно, тайна коренится не в одном переводе, не в переложении прозы на стихи. В чем же эта тайна? В.А. Жуковский

Кашафутдинова З.М. ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В ПОВЕСТИ ФУКЕ «УНДИНА» И ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В.А.ЖУКОВСКОГО.

был лично знаком с Фуке. После знакомства с ним он написал в своем дневнике: «В лице ла Мотт Фуке нет ничего, останавливающего внимание. Есть живость в глазах: он имеет талант, и талант необыкновенный, он способен, разгорячив воображение, написать прекрасное; но это не есть всегдашнее, зависит от расположения, находит вдохновением; автор и человек не одно, и лицо его мало изображает того, что чувствует и мыслит автор в некоторые минуты. Разговор наш состоял из комплиментов и продолжался недолго» [Цит по: Бессараб 1983: 167].

Перевод «Ундины» – явление в русской литературе, притом весьма значительное – стал, однако, и поводом для бурных обсуждений, не прекращающихся до сих пор. Во взглядах на художественный перевод прослеживаются две противоположные тенденции: ориентация на текст оригинала и ориентация на читателя. Природа перевода, таким образом, диалектична, а верный перевод находится на пересечении этих двух тенденций. Для современных взглядов на перевод характерно максимально бережное отношение к оригиналу и воссоздание его в единстве формы и содержания, в сохранении его национальной специфики. Жуковский – сторонник перевода творческого, он скорее стремился передать дух, а не букву оригинала. Можно бесконечно выявлять «неточности», переосмысленные детали в текстах переводов В.А.Жуковского, однако их ценность для русской литературы все же не может быть ни в коем случае оспорена. Особенности переводческого стиля Жуковского отмечены многими критиками, А.А.Гугнин пишет: «Жуковский прекрасно передает эмоционально-смысловую сторону подлинника, но собственными стилистическими средствами, средствами собственной поэтики. <...> Жуковский становится как бы соавтором стихотворения, он как бы продолжает, только на русском языке, работу над стихотворением, над приданием ему завершенной и совершенной формы» [Зарубежная поэзия в переводах В.А.Жуковского 1985, 1: 11]. В рамках этой дилеммы А.А. Гугнин исходил из суждений В.Г.Белинского, который ставит поэта-Жуковского выше Жуковского-переводчика: «Жуковский – поэт, а не переводчик: он воссоздает, а не переводит, он бе-

рет у немцев и англичан только свое, оставляя в подлинниках неприкосновенным их собственное, и потому его так называемые переводы очень несовершенны как переводы, но превосходны как его собственные создания» [Белинский 1985: 503].

В идейном отношении, натурфилософском истолковании конфликта перевод В.А. Жуковским повести Фуке осуществлен предельно точно, переданы даже мельчайшие элементы смыслов, сохранены смысловые акценты, сделанные автором «Ундины». Что касается формы, то тут особенность заключается в том, что В.А.Жуковский перевел прозаическое произведение стихами, что не противоречило нормам перевода того времени и придало «Ундине» большую ритmicность и лиричность. Такое свободное обращение с формой было типично для переводческого стиля В.А.Жуковского: «Жуковский во всех своих переводах заботился больше всего о том, чтобы передать сюжет и образы: таков был его метод перевода; он часто изменял даже размер, совсем не думал о движении стиха и лишь изредка обращал внимание на его звуковое значение, почти исключительно при звукоподражаниях» [Брюсов 1975: 106]. Перевод был осуществлен гекзаметром, излюбленным метром В.А.Жуковского, что вызвало неодобрение многих его соотечественников, поскольку гекзаметр – несколько тяжеловесный, возвышенный метр, в котором отсутствует рифма. Однако сам В.А.Жуковский называл свой гекзаметр «сказочным» в противоположность «гомерическому», подчеркивая тем самым простоту и ясность повествования, с одной стороны, и возвышенный лиризм – с другой. Впрочем, есть и положительные отзывы литературоведов о выборе Жуковским гекзаметра для своего перевода: «... в стиле Фуке слишком много жесткости и слишком мало энергии, слишком много mannerности и слишком мало настоящего своеобразия, и можно только поражаться, в какие гибкие, интонационно подвижные, свободно льющиеся гекзаметры переработал Жуковский эту прозу, и на сей раз выявляя нереализованные смысловые потенции» [Аверинцев 1985: 554].

Большую стройность и гармоничность произведение В.А.Жуковского приобрело

Кашафутдинова З.М. ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В ПОВЕСТИ ФУКЕ «УНДИНА» И ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В.А.ЖУКОВСКОГО.

также за счет того, что он несколько изменил названия глав, дав им общее начало: «О том, как...», чего не было у Фуке. В ряде случаев сместились акценты, например: Von einer Trauung – О том, как рыцарь женился; Bertaldas Namensfeier – О том, что случилось на именинах Бертальды; Die Reise nach Wien – О том, как они ездили в Вену; Von Huldbrands fürderm Ergehen – О том, что после случилось с рыцарем; Des Ritters Traum – О том, как рыцарь видел сон.

В отношении некоторых деталей и эпизодов мы видим также некоторые отступления, однако не влияющие на общее восприятие произведения. Например, у Фуке Хульдбранд и Ундина обручаются драгоценными кольцами, которые ее родители дали ей в приданое, отправляя на землю. У В.А.Жуковского же жених и невеста обмениваются кольцами из цепи рыцаря.

Жуковский также дал священнику иное имя: вместо патера Хайльмана из обители святой Марии он стал патером Лаврентием, священником Мариинской пустыни, что явно характеризует перевод данного имени как перевод, ориентированный на российские реалии и российского читателя. Однако данные детали не кажутся нам существенными в контексте всего произведения. В целом В.А.Жуковский сохранил в своем произведении сюжетную канву и образы Струя, Хульдбранда, Бертальды, рыбака и его жены и, конечно же, Ундины такими же целостными, какими они были у Фуке. Также присутствует в повести и натурфилософское, и символическое начало, как и в «Ундине» Фуке.

Попытаемся, однако, выявить авторское своеобразие в понимании образного строя повести и ее поэтики. «Ундина» сохранила в себе национальную (немецкую) специфику, но В.А.Жуковский довольно удачно вписал эту традицию в контекст русской литературы. Фуке использовал в своей повести фольклорные мотивы, что придало ей черты народной сказки. Однако В.А.Жуковский поднял эту повесть-сказку до уровня высокой поэзии; можно сказать, что перевод В.А.Жуковского представляет собой романтическую поэму. Немецкая суровость смягчается за счет поэтичности стиля, зачастую у В.А.Жуковского в тех или иных моментах

появляются яркие, богатые эпитеты и сравнения, которых не было у Фуке, придающие произведению неповторимый романтический характер. Подавляющее большинство ярких, необычных эпитетов встречается в связи с Ундиной и пейзажными зарисовками. Особенности стиля перевода В.А.Жуковского, собственно, и заключается в использовании богатых, красочных эпитетов и сравнений там, где у Фуке текст вполне нейтрален: «der See» («озеро») становится «причудливым морем», «das Blätterdach» («навес из листьев») – «густой древесной кровлей» и так далее. Природа и подводное царство выписаны с большей поэзией слова: «... wo die sinkende Sonne anmutig über den frischen Gräsern und um die hohen, schlanken Baumstämme leuchtete» («... где заходящее солнце озаряло свежую траву и высокие стройные стволы деревьев») [Fouqué 1994: 483; Фуке 1990: 45] и гораздо более богатое красками и чувством изображение у В.А.Жуковского: «Безоблачно солнце садилось, светя на зеленый / Дерн сквозь чашу дерев, за которыми тихо горело / Море вдали. [Жуковский 1982: 359], в описании морского дна у В.А.Жуковского «звенящие хрустальные своды» («die klingende Kristallgewölben») – «звонкокристальные», «коралловые деревья с красными и синими плодами» («die Korallenbäume mit blau und roten Früchten») – коралловые деревья, на которых «пурпуром ярким, темным сапфиром блистают плоды», а ходят там не по «морскому песку» («der reinliche Meeressand») и «красивым ракушкам» («schöne bunte Muscheln»), а по «мягким свежим песочным коврам, узорами раковин пестрых хитро украшенным».

Предельно важен для сопоставительного анализа, несомненно, сам образ Ундины. Как уже отмечалось выше, образ Ундины у В.А.Жуковского проникнут большей поэзией, в большей степени разработан, у В.А.Жуковского, например, присутствует достаточно объемный (23 строки) и важный для раскрытия образа фрагмент, которого нет у Фуке, посвященный Ундине и взаимоотношениям главных героев, который относится к гармоничному («райскому») периоду, когда рыцарь живет в хижине рыбака. Особенно значимы строки, в которых В.А.Жуковскому удалось раскрыть основные

Кашафутдинова З.М. ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В ПОВЕСТИ ФУКЕ «УНДИНА» И ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В.А.ЖУКОВСКОГО.

черты характера Ундины, ее стихийное непостоянство: «Райским виденьем сияла она: чистота херувима, / Резвость младенца, застенчивость девы, причудливость Никсы, / Свежесть цветка, порхливость Сильфиды, изменчивость струйки... / Словом, Ундина была несравненным, мучительно милым, / Чудным созданием...» [Жуковский 1982: 350].

В.А.Жуковский часто говорит о героине как об ангеле, связывает ее образ еще с одной стихией – стихией воздуха, чего не было у Фуке: «Вдруг растворилась настезь / Дверь, и в нее белокурая, легкая станом, с веселым / Смехом впорхнула Ундина, как что-то воздушное» [Жуковский 1982: 337], «глубоко проникнутый в сердце / Великодушным поступком своей небесной Ундины» [Жуковский 1982: 376], «Рыцарь все чувствовал боле и боле / Прелесть небесную доброго сердца Ундины» [Жуковский 1982: 381], «С небесным она поцелуем / В руки его приняла» [Жуковский 1982: 392], «тихим, воздушным / Шагом <...> прямо прошла к колодцу» [Жуковский 1982: 392]. Часто этот мотив связывается с глазами Ундины: «Светло-небесными глазками глядя на нас, улыбалась» [Жуковский 1982: 341] (тогда как у Фуке мы видим голубые, «как озерная гладь», очи), «Взоры ее так похожи на небо прекрасное стали» [Жуковский 1982: 358], «но в этом сердечном / Взоре целое небо любви и смиренья лежало» [Жуковский 1982: 359], «с чистым / Небом невинности в мирных очах» [Жуковский 1982: 369]. Возникает сравнение Ундины с птицей: «Вдруг встрепенулась резвою птичкой» [Жуковский 1982: 338], «любил беспечно, как любит / Птичка, летая средь чистого неба» [Жуковский 1982: 350], «и меня легко позабудут они, как весенний Цвет, как быстрюю птичку, как светлое облако», в главе спасения Бертальды у В.А. Жуковского «белым / Голубем свеяла тихо Ундина в долину» [Жуковский 1982: 381] (у Фуке: «wie eine weiße Taube sah man Undinen von der Höhe hinabtauchen» («словно белая горлинка, спорхнула с вершины горы»)) [Fouqué 1994: 507; Фуке 1990: 63.]; однако прежде всего небо и «небесность» Ундины связывается с «ангельским», «райским» началом, которое имеет место уже у Фуке, В.А. Жуковский же развил и

развернул этот мотив: «Чудной / Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе, / Нам улыбаясь как ангел, стоит на пороге» [Жуковский 1982: 340-341], рыцарь, оказавшись с Ундиной на островке, восклицает: «Здесь рай, Ундина!» [Жуковский 1982: 343] («Это само небо!» – у Фуке), «ее называли небесным / Ангелом» [Жуковский 1982: 359], «Ангелом тихим осталась Ундина» [Жуковский 1982: 359], «прелесть / Ангела божия в эту минуту имела» [Жуковский 1982: 367], «как ангел, вдруг утративший небо» [Жуковский 1982: 368], «она как небесный / Ангел» [Жуковский 1982: 370]. С данными мотивами связан и типичный для произведений романтизма мотив потери рая (уход из хижины рыбака и нарушение гармонии в отношениях влюбленных).

Также немаловажно постоянное сравнение Ундины с ребенком, которое преобладает в начале повести, однако встречается вплоть до сцены на Дунае: «сущий младенец» [Жуковский 1982: 337], рыцарь пленился «смешною, детской ее запальчивостью» [Жуковский 1982: 338], «к рыцарю с детской / Лаской она прижималась» [Жуковский 1982: 344], «с детским смиреньем к нему подошла» [Жуковский 1982: 357], «Но (как ребенок, любимый кусок свой к концу берегущий) / Все молчала она, чтоб продлить для себя наслажденье» [Жуковский 1982: 367], «В детской своей простоте» [Жуковский 1982: 367], «вдруг начала, как милый ребенок, который / Был без вины жестоко наказан, с тяжким рыданьем / Плакать...» [Жуковский 1982: 384].

С этим сравнением связано употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами по отношению к Ундине: «пурпурные губки раскрыв, как младенец» [Жуковский 1982: 338], «глазки ее засверкали» [Жуковский 1982: 338], «бровки угрюмо нахмутив, / Топнула маленькой ножкою об пол» [Жуковский 1982: 338], «светло-небесными глазками глядя на нас, улыбалась» [Жуковский 1982: 341], «Ундина, жемчужными зубками стиснув / Палец ему, сердито нахмурила бровки, и в глазках, / Ярко светившихся, бегали слезки» [Жуковский 1982: 345], «потом наклонила головку» [Жуковский 1982: 345], «как журчанье, / Шепот невнятный

Кашафутдинова З.М. ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В ПОВЕСТИ ФУКЕ «УНДИНА» И ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В.А.ЖУКОВСКОГО.

бродил по жарко раскрывшимся губкам» [Жуковский 1982: 358] и др.

Однако мифологема женщина-вода-гибель, несмотря на «небесное» и «детское» в Ундине, остается все же значимой и для произведения В.А. Жуковского, поскольку сюжет остается прежним, и нарушение запрета карается стихией. Сохранены и проблемы, обозначенные уже в повести Фуке: судьбы, ответственности, возмездия. Ундина заранее обречена на страдания, вступая в брак с человеком. Здесь уместно вспомнить многочисленные легенды о фее Мелюзине, также водном духе, которая запретила своему мужу, Раймондину, видеть ее по субботам купающейся, однако муж нарушил запрет и увидел ее змеиный хвост, после чего Мелюзина навсегда покинула своего возлюбленного, но стала покровителем его рода. Подобный мотив встречается в легендах о невесте-змее, которую герой встречает также у водного источника (вероятно, данные легенды предшествовали более конкретному образу Мелюзины). Таким образом, развитие сюжета по схеме «запрет – нарушение запрета – возмездие» весьма типично для повествований о водном духе.

Идея двоимирия (мир стихийных духов и мир людей), двойничества (раздвоение в душе самой Ундины и противопоставление образов Ундина – Бертальда) пронизывает все произведение. Двоимирие в связи с образом Ундины возникает не случайно. Представление о делении мира на верхний и нижний является ключевым для многих культур. Нижний мир (царство мертвых, предков, духов) – подземный, но также и подводный, поэтому источники, реки, озера, даже колодцы («Госпожа Метелица») населялись в представлении людей духами, легендарные драконы также появляются вблизи воды. В связи с этим интересное заявление делает Ганс Эгли в своей монографии «Символ змеи. История. Сказка. Миф», рассматривая, и не без оснований, русалку вообще как переосмысленный образ змеи, поскольку она выполняет в легендах сходные функции (вспомним также Мелюзину, имеющую не рыбий, а змеиный хвост): «... именно русалки являются не чем иным, как видоизмененным образом змеи – данное предположение имеет достаточное основание, однако его

еще предстоит доказать» [Egli 2003: 78]. В романтизме мир духов перестает в некотором смысле быть потусторонним: природные духи вмешиваются в бытовую повседневность, в судьбы людей (Кюлеборн / Струй, духи леса).

Нижний мир организован по законам, схожими с земными, но более справедливыми, хотя и не ведающими исключений и не знающими христианского прощения, чувства не ведомы его обитателям. Дядюшка Кюлеборн (Струй) не понимает чувств Ундины, видя ее слезы, он может толковать их лишь однозначно – как признак причиненной ей обиды, а сама же Ундина, наделенная душой, иначе смотрит на свои переживания: «*Sein armes Leben hat keine Ahnung davon, wie Liebesleiden und Liebesfreuden einander so anmutig gleich sehn und so innig verschwistert sind, daß keine Gewalt sie zu trennen vermag. Unter der Träne quillt das Lächeln vor, das Lächeln lockt die Träne aus ihren Kammern*». («Его судное бытие не знает, как схожи меж собой страдания и радости любви, как тесно они переплетаются друг с другом, так что их не разделить никакой силой. Из-под слез проглядывает улыбка, и улыбка отворяет двери слезам») [Fouqué 1994: 501; Фуке 1990: 72], «... в любви и страданье и радость / Так пленительно сходны, так близко родня, что разрознить / Их никакая сила не может: с улыбкою слезы / Сладко сливаются, слезы рождают улыбку» [Жуковский 1982: 375]. Мир водной (разрушительной) стихии связан с мотивом смерти через образ Ундины (Ундина приносит смерть возлюбленному нехотя, лишь потому, что является стихийным духом), однако водная стихия всегда угрожает человеку, даже если и не несет смерть (эпизод с подменой Бертальды и Ундины, с Бертальдой в Черной Долине (Шварцталь), поездка в Вену).

Из двоимирия вытекает наличие противоположных мотивов и тем: мотивы смеха – слез, непримиримые и безысходные мифологические оппозиции жизни и смерти, добра и зла, божественного и демонического. Два противоположных мотива – мотив плача, слез и мотив смеха – соотносятся с образом героини, что связано с ее природой, с единством стихийного и человеческого начал в героине, которое становится более гармо-

Кашафутдинова З.М. ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В ПОВЕСТИ ФУКЕ «УНДИНА» И ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В.А.ЖУКОВСКОГО.

ничным уже при крещении девочки, а при обряде венчания и наделении Ундины бесмертной душой стихийное уже отходит на второй план, хотя и довлеет над героиней, становится ее роком. Смех присущ Ундине до обретения ею души, и это еще более усиливает скорбную атмосферу повести, где Ундина плачет уже от одного осознания того, что ей будет дана душа («но вдруг побледнела и горько, / Горько заплакала» [Жуковский 1982: 357], «С тяжким вздохом она продолжала: «Великое бремя, / Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданьи / Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было / Так легко, так свободно». Она опять зарыдала, / Скрыла в ладони лицо и, свою наклонивши головку, / Плакала горько» [Жуковский 1982: 357]), при прощании с рыбаком и его женой («Ундина / Плакала тихо, но горько» [Жуковский 1982: 363]), разочаровавшись в Бертальде и мире людей в целом («Ундина / Вдруг залилася слезами» [Жуковский 1982: 368]), в замке Рингштеттен («как Ундина плакала, как пробуждали / Слезы ее заснувшую совесть Гульбранда» [Жуковский 1982: 372-373]), в роковой день на Дунае («вдруг начала <...> с тяжким рыданьем / Плакать [Жуковский 1982: 384]), когда посещала во сне Гульбранда («плакала молча» [Жуковский 1982: 386]), на дне Средиземного моря («о чем же так горько / Плачу, того тебе никогда не понять; но блаженны / Слезы мои» [Жуковский 1982: 388] и, наконец, в завершение всего, Ундина «до смерти уплакала» рыцаря, принеся ему, тем самым, через свои слезы смерть.

Ундина – романтический характер, которому присуще одиночество, связанное с чувством отчуждения от родного стихийного мира с момента обретения души и неспособностью слиться с миром людей даже не из-за своего необычного происхождения, а скорее, из-за своего духовного превосходства над ними; природа (и Ундина как ее часть) выше и гармоничнее человека (Бертальда, Хульдбранд), Фуке, скорее, повествует о конфликте человека и природы, чем о конфликте Ундины и общества. Ундине абсолютно не типичны отрешенность от человеческого общества или же открытый и деятельный бунт против бессердечности людей, что, вероятно, связано с ее мягкой женской природой, кро-

тостью и христианским смирением, ее исключительностью, которая, хотя и становится причиной ее несчастий, одновременно и спасет Ундину. Становление героини и преодоление этого вселенского одиночества возможно двумя путями – через любовь, человеческие отношения, что и выбирает Ундина, и через бегство к свободе, что более типично для романтического персонажа (Лорелея). Любовь в романтизме – высшая ценность жизни, поэтому и любовная линия – главная в данном сюжете, жертвенная любовь воспитывает из своенравной и проказливой Ундины героиню трагическую, зрелую. Трагизм в том, что лишь гибель рыцаря ставит все на свои места: духи воды довольны, что виновные (Хульдбранд и Бертальда) понесли заслуженную кару, Ундина слита «с милым и в гробе», восстановлено равновесие природного и человеческого, вот только надолго ли?

Анализ поэтики поэмы В.А. Жуковского «Ундина» показывает, что «Ундина» может быть воспринята и как перевод, и как новое, самостоятельное произведение, несущее в себе, однако, больше схожести, нежели различия с оригиналом, но более лиричное, возвышенное, чем у Фуке. У русского поэта образ Ундины обогащается новыми смыслами, новыми мотивами, проникнут большим психологизмом, душевные переживания героини представляют собой сложные комплексы противоречивых чувств, что связано с двойственной ее природой.

¹ Здесь и далее курсив наш. – З.К.

Список литературы

- Аверинцев С.С.* Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В.А.Жуковского в двух томах. Т. 2. Сборник / Сост. А.А.Гугнин. М.: Радуга, 1985. С. 558-574.
- Афанасьев В.В.* Жуковский. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 1987. 397 с.
- Белинский В.Г.* Из рецензии на «Очерки русской литературы» Н.Полевого // Зарубежная поэзия в переводах В.А.Жуковского в двух томах. Т. 2. Сборник / Сост. А.А.Гугнин. М.: Радуга, 1985. С. 502-505.
- Белинский В.Г.* Сочинения А. Пушкина // Белинский В.Г. Полное собр. соч. Т. 7. М.:

**Кашафутдинова З.М. ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ В ПОВЕСТИ
ФУКЕ «УНДИНА» И ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ В.А.ЖУКОВСКОГО.**

Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 97-579.

Бессараб М. Жуковский. 2-е изд., доп. М.: Современник, 1983. 272 с.

Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7-ми т. / под общ. ред. П.Г.Антокольского и др. Т.6. Статьи и рецензии 1893-1924. «Далекие и близкие». Ст. и составл. Д.Е.Максимова. Подгот. текстов и примеч. Д.Е.Максимова и Р.Е.Помирного. М.: 1975. С.106.

Жуковский В.А. Ундина. Старинная повесть // Жуковский В.А. Избранные сочинения / вступ. ст., сост. и примеч. И.Семенко. М.: Худож. лит., 1982, С.334-393.

Зарубежная поэзия в переводах В.А.Жуковского в двух томах. Т. 1. Сборник

/ Сост. А.А.Гугнин. М.: Радуга, 1985. На разных языках с параллельным русским текстом. 608 с.

Фуке Ф. де ла Мотт Ундина / серия «Литературные памятники». М.: Наука, 1990. 556 с.

Egli H. Das Schlangensymbol. Geschichte. Maerchen. Mythos. Duesseldorf: Patmos, 2003. 324 S.

Fouqué, Friedrich de la Motte. Undine. Eine Erzählung. Zueignung zur 2. Auflage (1814) // Brackert Helmut. Das grosse deutsche Maerchenbuch. Muenchen, Zuerich: Artemis & Winkler, 1994. S. 157-520.

**PECULIARITIES OF ROMANTIC POETICS
IN THE STORY BY FOUQUÉ *UNDINA* AND
THE POETICAL TRANSLATION BY V.A. ZHUKOVSKY**

Zoya M. Kashafutdinova

Assistant of World Literature and Culture Department
Perm State University

Using the comparative analysis of the story by Fouqué *Undina* and the poem under the same title by V.A.Zhukovsky the author proves that the translation made by the Russian poet is perceived as a work of the Russian romantic culture. V.A.Zhukovsky's translation is very close to the original prosaic text, but the image of the main heroine acquired new poetic meanings, typical of Russian fairy-tale and romantic tradition. Semantic and character enrichment of the image of Undina is also a consequence of V.A.Zhukovsky's poetic mastery.

Keywords: Undina; Zhukovsky; Fouqué; romanticism; translation.